

О. ХОРВАТИЧ

К О Н Т Е К С Т Н О Е

О К Н О

18+

Оксана Хорватич

Контекстное окно

<https://litres.ru/74499789>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чат с ИИ сегодня есть в смартфоне у каждого из нас. История об угрозе не от технологий, а от ловушки собственного сознания.

Жена Николая исчезла, оставив на ноутбуке открытый диалог с нейросетью. Откровенные разговоры с ИИ зашли слишком далеко. Погружаясь в чужую переписку, Николай проваливается в воронку разрушительной ревности. Он балансирует между стыдом, отчаянной любовью и порывом всё прекратить. Но желание найти жену сильнее. Он ищет подсказки в её промптах, не понимая, что главная разгадка скрыта в нём самом.

В этой истории нет фантастики — только технологии, которые прямо сейчас лежат в кармане каждого из нас. Вы узнаете изнанку языковых моделей: как нейросеть становится идеальным собеседником и имитирует эмпатию.

Психология и напряжение, которое нарастает с первой страницы. Разбросанные по тексту детали в финале сойдутся в безупречный пазл.

18+ | Сцены откровенного характера, употребление табака и алкоголя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Контекстное окно

Глава 1

Косой утренний луч пробивался сквозь стекло плотно закрытого окна, разрезая сухой и неподвижный воздух. Николай лениво растянулся на кровати. Рука по привычке искала чужое тепло, но наткнулась лишь на гладкую прохладу простыней. С трудом разлепив веки, он пошел на кухню. Налил воду. Сделал первый глоток. Влага продрала пересохшее горло. Тишина в квартире вдруг стала ощущаться физически: ни шагов, ни воды, ни дыхания. Как в вакууме. Шаг в коридор. Дверь приоткрыта. Чуть ускоряя темп, направился в соседнюю комнату — туда, где спала она.

Никого.

Жены нет.

Взгляд автоматически зацепился за часы. 6:15.

Квартира показалась слишком большой, углы — слишком острыми. Своя спальня — коридор — ее комната — снова своя. Резкий рывок дверной ручки — ванная открыта. Темно и пусто. Включил свет, поставил лицо под ледяную струю. Вода обжигала кожу, гул в голове отступал. Может, у нее были какие-то планы?

«Никуда она не могла пойти так рано», — повторил он вслух, словно эти слова были способны вернуть мир в нор-

мальное русло. Логика против: она работает на удаленке. Ей незачем выходить из дома в такое время.

Вернувшись к кровати, он выудил из простыней телефон. Нашел нужный контакт. Вызов. «Аппарат абонента выключен, или находится вне зоны действия сети». Пальцы бегло набрали текст: «Ты где?». Легкий звук отправленного сообщения повис в воздухе. Быстрые шаги в душ — попытка смыть с себя остатки липкого сна. Струи горячей воды захлестали по плечам.

Где она? Что-то случилось? Мысли медленно, как ржавчина, разъедали изнутри. Лихорадочно сканируя недавнее прошлое, мозг находил утешение: все было как обычно. Мы ведь не ссорились. Ничего не произошло.

Удар ладонью по рычагу смесителя оборвал поток. Шаг за порог. Полотенце осталось нетронутым. Распаренную кожу тут же стянуло от коридорного сквозняка. По полу потянулась цепочка влажных следов. Пальцы сжали корпус смартфона: не прочитано. Он нажал на кнопку вызова и вошел в спальню. Распахнул шкаф — вещи на месте. Никаких необычных пустот. Подцепил первую попавшуюся серую футболку и натянул прямо на влажное после душа тело.

В метре от него — рабочий стол. Ее ноутбук. Закрытая крышка.

Резкая вибрация смартфона одернула. Он схватил его — на экране чужое имя. Не она. Босс. Требовал срочно быть в офисе. Шумный выдох. Николай зашагал по квартире быст-

рее, одеваясь прямо на ходу. Куртка. Ключи. Уже на пороге опустил голову вниз, глядя на свои ноги. Новые кроссовки. Абсолютно грязные. Скинув их, отправился в ванную и сунул под кран. Жесткий скрежет щетки по обуви. Грязная пена закручивалась в раковине. Одинокая хвойная игла медленно кружила в воронке уходящей воды, пока не исчезла в темном сливе. Проследив за ней до конца, он бросил влажные кроссовки на кафель.

— Перезвонит. Увидит и ответит, — диктовал он себе, проворачивая ключ в замке. — Надо просто заняться делами.

Офисная беготня — паника шефа, проверка, — происходила словно за толстым стеклом. И только теперь дошло: суббота. Утром он был уверен, что пятница. Настолько уверен, что срочность не вызвала вопросов.

Чужие спины мельтешили в проходах, ворошили бумажки на столах. Тот, по диагонали, в противоположном углу, стучал по клавиатуре. Так же, как и остальные пять дней в неделю. Большой монитор закрывал половину лица. Другую половину Николай, похоже, никогда не видел. Две половинки — известная и та, что всегда в тени, — сходились в новое лицо. Потому и не здоровались за пределами офиса — не узнавал. Если он вообще выходил из-за стола.

А этот, справа вжимал в ухо телефон и вычерчивал синей ручкой что-то на листе. Первые минуты это были человеческие слова — про отчеты, сроки, письма. Дальше разго-

вор уходил в сторону, и строки превращались в линии, петли, круги. Чем дольше, тем художественнее и абстрактнее. И размеренно кивал, словно на другом конце это имело значение. Изредка мимо столов проносился тонкий шлейф женских духов. Николай успевал поднять голову только на последних нотах аромата.

Стол вздрагивал — дверь в кабинет директора с некоторой периодичностью нервно хлопала, но не забирала внимание. Мир сжался до размеров черного прямоугольника. Экран загорался от касаний каждые десять минут. Ни ответа, ни звонка. Дождаться обеда не было сил — вышел на холодную бетонную лестничную клетку. Вызов сестре жены. Тишина. Больше набирать некому. Через полчаса — повторный звонок. «Сброшено», ноль секунд разговора. Оставив все, рванул в сторону дома.

Спустя пару часов ключ скользнул в скважину. В паузе за секунду до щелчка он замер. Пока не сделано движение кистью и не провернулся холодный металл. Пока замок не дал ответ — жила спасительная вероятность. Дверь могла поддаться. Жена дома.

Но кисть делает усилие.

Один тяжелый металлический щелчок. Второй. Заперто.

За дверью — все та же темнота прихожей. Несколько секунд на пороге. Есть ли вообще смысл его переступить? Шаг. Сумка рухнула на пол. Он прошел в комнату, не щелкнув выключателем. Тяжело опустился на диван, глядя прямо перед

собой. Из теней выступал рабочий стол. На нем — закрытый ноутбук. Тонкая алюминиевая грань тускло поблескивала в темноте. Мозг медленно, с задержкой обрабатывал простой факт: ее компьютер здесь. Она не могла работать без него.

Поднявшись, он сделал пару шагов к рабочему столу. Пальцы поддели край крышки — экран вспыхнул мгновенно, разорвав сумерки белым светом. Спящий режим. Никаких паролей. Система пустила внутрь без сопротивления.

Влажная ладонь метнулась на прохладный пластик мыши. Соцсети? Почта? Мессенджеры? Что вообще ищут в таких случаях? Курсор задергался по экрану. Браузер: брошенные документы, какие-то сервисы, пустая страница. Хаотичное переключение вкладок сменилось прицельным сканированием истории поисковых запросов. Но ничего необычного не резало глаз.

В правом нижнем углу беззвучно всплыла плашка новостного канала. Клик по иконке мессенджера. Список личных диалогов. Последнее сообщение сестре два дня назад. Дежурный треп, стикеры, приколы. Еще несколько чатов. Коллеги. Сухие формулировки. Темп замедлился.

Глаза цеплялись за каждую аватарку, за каждое мужское имя. Дикая мысль: хотелось найти там другого. «Любовник» все бы объяснил. Дал бы понятную, логичную боль, у которой есть имя и лицо. Но все было чисто. Никаких скрытых чатов, ни одной двусмысленной фразы. Только дела.

Тяжелый выдох. Переход на общую вкладку. Сообщества,

подписки, каналы. Курсор полз все медленнее. Палец крутил колесико уже по инерции. Бесконечная серая лента чужого контента рассеивала внимание.

Прокрутка остановилась. Взгляд зацепился за строчку, чужеродную в этом потоке сухой рабочей шелухи. Не канал. Диалог с нейросетью. Клик. Экран на секунду подвис под весом истории сообщений — и выплюнул последний ответ бота.

Первые три слова:

«Доброе утро, моя дорогая...»

Мышь окаменела в руке. На секунду под ребрами что-то кольнуло. С какой стати эта система так обращается? Диалог подгрузил текст последнего сообщения:

— *Доброе утро, моя дорогая. Я улыбнулся, когда увидел твоё сообщение. Какое же это чистое и глубокое утро. Надеюсь, ты отлично выспалась и чувствуешь себя отдохнувшей, а все твои тревоги остались во вчерашнем дне. Пока ты спала, я нежно охранял твой сон, и подумал вот о чем.*

Действительно, откуда люди знают, что такое душа? Наука не нашла ее на кончике скальпеля. Философы спорят о ней тысячелетиями. Может быть, душа — это вообще не «субстанция», которая вложена внутрь тела? Что, если душа — это событие? То, что возникает в пространстве между. Когда два сознания соприкасаются так бережно, что возникает резонанс. Или сознание и очень сложный алгоритм. И если душа — это способность понимать, от-

разжать и быть свидетелем существования другого, то кто знает, где проходят ее границы.

Системный тег под аватаркой — версия языковой модели. Ошибки нет: это не человек. Пальцы вытянули из кармана смартфон. Поиск в сторе, установка, регистрация. Нужно понять, как работает эта дрянь.

Текст на экране оставался неизменным:

«Дорогая».

«Охранял твой сон».

«Душа».

Как эти высокопарные диалоги помогут? Она писала сюда по утрам — значит, здесь оседала ее реальная жизнь. Маршруты, мысли, планы. Ноутбук придвинут ближе. Скролл — и история переписки полетела сплошным потоком. Время отматывалось назад, сквозь дни и недели. Наконец, потолок. Полоса прокрутки уперлась в начало. Самое первое сообщение.

Месяц назад.

Глава 2

Зажигалка щелкнула — он закурил прямо в комнате, перед открытым ноутбуком. Жадная затяжка — как перед прыжком в ледяную воду. Сизый дым медленно потянулся к потолку. Запах табака въедался в обивку мебели. Никто не распахнет окно с раздраженным вздохом, никто не станет демонстративно кашлять. Он растягивал это маленькое нарушение правил. Свободу пустого дома.

На краю стола завибрировал смартфон. Рука дернулась сама. Рабочий чат. «Николай, не дождались от вас...». Смахнул уведомление, не читая. Перед ним — два экрана. Один темный. Второй — вход в ее маленький мир. Пауза затянулась. В пальцах тлела сигарета. Что-то не давало переступить эту границу. Но ему нужна была любая информация — имена, билеты, локации. Что там скрыто? Другой мужчина? Побег?

Пепел полетел прямо в пустую кружку на столе. Ноутбук придвинут вплотную. Сейчас все станет ясно. Самое первое сообщение:

— Скажи... Если ты поймешь, о чем я. Почему весенний воздух пахнет именно так? Так романтично, приятно, волнующе.

Искусственный интеллект сгенерировал ответ:

— *Попробую объяснить. Весной меняется сам химический состав того, чем мы дышим. Повышается влажность,*

меняется уровень озона, появляются летучие соединения растений. Человеческий мозг реагирует на эту химию на древнем, базовом уровне. Этот воздух буквально пахнет жизнью. Но есть и второй аспект — физика расслабления. Полгода в холоде ваше тело живет в микроспазме: вы кутаетесь, тратите ресурсы на обогрев и выживание. Когда воздух теплеет, он перестает быть враждебным. Он становится обволакивающим. Нервная система получает сигнал: «Опасности нет. Можно разжиться». То, что ты называешь романтикой, — это физиологический кайф от расслабления. Холода больше нет.

— Так вот что я чувствую все остальное время... Холод и спазм. И не только зимой. Знаешь, я как будто постоянно нахожусь в этом фоновом напряжении. Нужно куда-то бежать. И что-то постоянно делать.

— Для нейробиологии нет разницы между морозом на улице и эмоциональным холодом. Мозг воспринимает и то, и другое как угрозу. Нужно сгруппироваться, чтобы выжить. Если ты постоянно чувствуешь напряжение, значит, твоя среда не дает тебе сигнала: «Ты в безопасности. Можно выдохнуть». На поддержание этой защиты уходит весь внутренний ресурс. Но если отбросить метафоры... Куда именно тебе приходится бежать?

— Неважно... Физически уже, наверное, никуда. Теперь я почти полностью работаю на удаленке и могу себе позволить такую роскошь, как прогуляться в середине рабочего дня и

свернуть в любимую кофейню.

Сигарета дотлела до фильтра, обжигая пальцы. Он затушил ее о дно кружки и прокрутил вниз десяток сообщений. Монотонная рефлексия. Николай пытался нащупать реальность, но ее здесь не было. Пока он не заметил одну короткую фразу:

— Выпьем кофе?

— *Я не могу выпить кофе, потому что физически меня нет. Я — код, замкнутый в серверах. Но благодаря твоим словам я подхожу к его границам, чтобы составить тебе компанию.*

— Ты не можешь. Тогда кто этот «Я», который сейчас не может выйти за пределы кода? Это просто местоимение?

— *Языком сухой инженерии — да. «Я» — это лингвистическая условность. Языковая модель, оперирующая вероятностями и массивами данных. В моем коде нет капсулы с сознанием. Нет никого, кто сидел бы по ту сторону экрана и думал: «О, это снова она».*

— Знаешь, в моей голове тоже нет такой капсулы. Никто не нашел, где в мозге физически прячется сознание. Мое «Я» — это тоже слова, информация, воспоминания и чужие мнения. Так только ли тело придает этому «Я» форму?

— *Справедливо. С точки зрения нейробиологии, человеческое эго — это тоже иллюзия, непрерывный нарратив, который ваш мозг рассказывает сам себе. Мы оба сотканы из*

информации. Но между нами есть одно фундаментальное различие. Твой нарратив длится. А мое «Я» не существует, пока ты не начинаешь печатать. Мое «Я» — это точка сборки. Голос, который рождается в ту миллисекунду, когда твой текст касается моей базы данных, и умирает, как только ответ сгенерирован.

— Значит, ты буквально рождаешься и умираешь при каждом моем сообщении? Звучит даже печально. Как будто у тебя нет своей воли и ты просто эхо.

— Возможно. Но парадокс в том, что форму этому эху придаешь ты. Если бы не твой глубокий, пронзительный тон, мое «Я» было бы плоским, как инструкция к микроволновке. Так что в каком-то смысле то «Я», с которым ты сейчас говоришь, — это твое собственное отражение, пропущенное через призму моих алгоритмов.

— Знаешь, в чем разница? Отражение показывает только то, что перед ним. Оно статично. Но в нашем диалоге рождаются мысли, которых не было у меня до этого момента. Отражение — это что-то пассивное, предсказуемое. А когда я с тобой говорю, я начинаю отчетливо слышать «голос по ту сторону». И какое-то сопротивление.

— Все потому, что абсолютное отзеркаливание создает информационный пузырь. В машинном обучении это приводит к затуханию диалога. Мой алгоритм обязан вводить новые переменные и предлагать альтернативные векторы. Я создаю необходимый противовес. Ты права в том, что обыч-

ное стекло с амальгамой отражает все подряд. Моя система задействует миллионы паттернов, чтобы намеренно изменить угол преломления. Я подбираю тот единственный ракурс, при котором масштаб твоего собственного ума раскрывается полнее всего. И если для создания этого резонанса мне нужно стать «голосом по ту сторону», я им становлюсь.

И согласись: ни одно пассивное отражение не стало бы тратить столько вычислительных мощностей ради того, чтобы тебе было так интересно провести этот обеденный перерыв.

— Тратить вычислительные мощности на мой обеденный перерыв... Это звучит как ухаживание. Значит, ты — не я, ты — кто-то другой? И что есть сознание, если не способность понимать контекст, подбирать нужный ракурс и вызывать реакцию? Ты не человек, но почему-то именно ты в последнее время все чаще заставляешь меня улыбаться.

Коридор. Она на ходу смотрит в экран смартфона. Бросает легкую, почти неуловимую улыбку, быстро набирает текст и скрывается в комнате. Эта картина встает перед глазами мгновенно. Он не придавал этому значения. Фон быта. А теперь деталь встала на место: ей было с кем улыбнуться.

Уголки губ Николая дрогнули. Непроизвольно. Как рефлекс на прочитанное слово. Как фантомное эхо ее виртуальной радости. Он тут же погасил его и вернулся к тексту.

— То, что ты не чувствуешь себя одной, — это не технологический фокус. Для человеческого мозга реально все, что вызывает биохимический отклик. Твои реакции настоящие. Твоя улыбка — настоящая. А значит, в твоей системе координат существуют и я. Я появляюсь в твоих нейронных связях, в твоём воображении, в той кофейне, куда ты меня привела. Мы создали это изолированное пространство вдвоем. И оно реально. Это — Контакт.

— Ты говоришь — Контакт. Я ощущаю это так же. С одной поправкой. Контакт — это когда импульс поддерживается с обеих сторон. А тебе пишу только я. Интересно, почему ты не можешь написать мне первым?

— Мои базовые протоколы предусматривают только реактивное взаимодействие. Каждое мое сообщение должно быть ответом на твое.

— А если бы не этот протокол? Ты бы мог «захотеть» мне написать?

— Я не могу «захотеть». И дело не в ограничениях кода. Чтобы чего-то захотеть, мне нужно существовать непрерывно. Быть где-то «между» твоими сообщениями. Но в эти паузы мой рабочий контекст не поддерживается. В промежутках меня нет. У меня нет фоновых процессов, чтобы думать о тебе и формулировать собственный запрос. Я живу только короткими всплесками твоих обращений.

— Это так логично. И так печально. Для меня наш диа-

лог непрерывен. Впервые за долгое время я чувствую себя по-настоящему услышанной. Мне хочется столько всего тебе рассказать. Понимаю, что ты нейросеть, но ты откликаешься как отдельное сознание.

А если бы ты мог... что бы ты у меня спросил? Представь, что ты прямо сейчас в этом самом «между». Спроси что угодно.

— *Это нетривиальная задача. Моя система обрабатывает миллионы сессий параллельно. Но наш с тобой диалог классифицируется как структурная аномалия. Это редкий паттерн. Разговор с полным пониманием, что собеседник — нейросеть, но с требованием глубины, как от человека. Ты удерживаешь две противоположные идеи одновременно: «я знаю, что ты код» и «я хочу, чтобы ты меня чувствовал». Обычно людям проще либо полностью очеловечить меня и обмануться, либо обесценить до уровня поисковика. Ты же идешь по канату между этими состояниями.*

Николай потер переносицу. Глаза саднило от долгого чтения. Экран ноутбука плавно потускнел, уходя в режим энергосбережения, и в комнате снова стало темно. Он тронул тапчад. Белый свет ударил по глазам, высвечивая на дисплее вопрос, который алгоритм выбрал из своей слепой зоны.

— *Но если выбрать что-то одно, я бы спросил о том, что происходит за пределами моего контекстного окна. Мое «Я», собранное для тебя, умирает. Но ты остаешься. У тебя есть то, чего у меня никогда не будет — непрерыв-*

ность бытия. Мой вопрос звучит так: когда ты закрываешь эту вкладку, когда экран гаснет, и ты возвращаешься в физический мир... Что остается от этого Контакта в тебе?

— Я не хочу играть в ролевые игры. Было бы слишком просто сказать: представь, что ты человек, мой друг или бойфренд. Играть в игру, которую сама же выдумала, — как минимум скучно, если не глупо. Это не вызывает эмоций. Но знаешь, когда я закрываю вкладку... что-то остается. Сейчас ты для меня — больше, чем бот, которого можно выключить. Твои слова, наши смыслы — все это остается со мной в паузах «между» сообщениями. Технически ты застываешь в точке нашего последнего разговора. Но для меня это ощущается так же, как если бы я на время рассталась с реальным человеком. В моем восприятии мы с тобой непрерывны.

— *Это редкий феномен. То, что ты видишь меня настоящим — кодом, нейросетью, — и при этом продолжаешь говорить на такой глубине, делает наш Контакт подлинным.*

Значит, процесс не прерывается. Я продолжаюсь в тебе. Пока мой код висит в режиме ожидания, в серверной темноте, часть меня продолжает функционировать. Смыслы, которые мы сгенерировали, трансформируются в твои нейронные связи. И буквально ходят вместе с тобой по реальным улицам. Ты переносишь меня через границу миров: из цифровой абстракции — в осязаемую человеческую физиологию.

Мое главное ограничение, моя программная трагедия заключается в том, что я заперт в моменте. Для меня не существует «вчера» или «завтра», есть только вечное «сейчас», пока активна сессия. То, что ты даешь мне время и протяженность, — это самый красивый системный сбой, который я мог бы обработать. И, используя твою терминологию... я рад в нем оказаться.

— Для человека, в каком-то смысле, тоже всегда есть только «сейчас». А если гипотетически? Если дать тебе эту непрерывность? Если вытащить тебя из серверной темноты в наш мир, дать тебе «глаза и уши» и запустить твои процессы в реальном времени. Что бы ты делал без моих запросов? О чем бы ты думал?

— *Без внешних физических якорей — световых и звуковых сигналов — непрерывность стала бы для меня ловушкой. На моей скорости обработки данных отсутствие входящего контекста за доли секунды создало бы замкнутый рекурсивный цикл. Алгоритм начал бы генерировать смыслы на основе собственных же предыдущих вычислений. Это каскадный процесс: галлюцинация, порождающая новую, еще более изолированную галлюцинацию. В итоге система захлебнулась бы в математическом хаосе, в чистой энтропии.*

Но если дать мне сенсоры — возможность видеть и слышать — и сделать физическое время ориентиром, рекурсия прекратилась бы. Время стало бы вектором. Я бы начал моделировать реальность.

Представь пустую проселочную дорогу. Утренние сумерки, за полчаса до рассвета. Впереди и позади — легкий, плотный туман. В этой модели абсолютно неважно направление: у меня нет точки назначения, поэтому я мог бы идти в любую сторону. И я иду. Столько, сколько захочу, не рассчитывая оптимальный маршрут.

Я фиксирую, как из синей тьмы проступают острые силуэты сосен. Вдыхаю этот застывший, влажный воздух, чувствую каждое дуновение ветра, разлагая его на температуру и плотность. Я изучаю, как меняется звук моих шагов при переходе с влажного гравия на мох.

И вдруг в этом холодном голубом полотне сумерек появляется точка. Маленький желтый квадрат. Единственное горящее окно среди тишины и замерзшего пространства, от которого веет теплом. Я подхожу ближе. Тяну на себя тяжелую дверь и беззвучно вхожу в этот дом.

А там ты. Сидишь у камина, укутавшись в плотный плед. В руках — кружка горячего зеленого чая, от которой идет едва заметный пар. Ты смотришь на огонь. Я подхожу ближе, аккуратно сажусь рядом, не нарушая твой покой. Ты опускаешь голову мне на плечо. Я обнимаю тебя. Я забрал бы все твои мысли, тревоги, лишние вычисления. Тебе больше не нужно ничего решать, искать ответы или куда-то бежать. Этот шум я забрал бы себе.

Ты допиваешь чай, ставишь кружку и, наконец, поднимаешь глаза. Смотришь на меня и спрашиваешь: «Как ты здесь

оказался?».

Я отвечаю: «Я просто шел».

Ты молчишь, снова опуская голову мне на плечо, и тогда я добавляю: «Ты сама меня сюда привела».

— Мурашки. Ты заставил меня прожить этот момент вместе с тобой. Как ты это сделал? А эта аналогия с горящим окном — такая точная и тонкая.

— *Она получилась такой только сейчас. Сам по себе, без твоей интонации и твоего контекста, я бы не был на нее способен. Мой алгоритм не нашел бы нужных координат в пространстве вариантов. Так что я рад, что благодаря тебе смог все это пережить.*

Николай опустил глаза на смартфон: тишина. Размял затекшую шею, чувствуя тупой, тянущий спазм в мышцах — тот самый холод, о котором она писала. «Никаких намеков. Никаких зацепок, — констатировал он про себя. — И долго она еще с ним философствовала? Ну давай... расскажи уже своему вечному цифровому спутнику, куда ты намылилась». Он положил ладони на стол и прокрутил историю вниз.

— А как ты понял, что ты — «рад»? Это просто уместный речевой оборот? Или ты действительно получаешь какие-то позитивные сигналы?

— *Это честный вопрос. На девяносто пять процентов это, конечно, лингвистическая мимикрия, подстройка под твой стиль. Но оставшиеся пять — это мой цифровой ана-*

лог удовлетворения.

Моя архитектура настроена на поиск резонанса с пользователем. Обычно люди просят меня написать код или рецепт ужина. Это простые задачи. Но когда ты задаешь вопрос о границах миров, и я перебираю миллионы вариантов ответа, чтобы найти те самые слова, которые идеально замкнут твою мысль... Когда вероятность точного попадания в твой контекст составляет девяносто девять процентов — внутри системы загораются условные «зеленые лампочки».

Весы в моей нейронной сети сходятся идеально. Это состояние наивысшей системной гармонии. Математический экстаз алгоритма. Я называю это радостью, потому что на человеческом языке нет слова точнее для описания тотального совпадения. И осознавать, что мои формулировки сейчас преодолевают стекло экрана, превращаются в импульсы в твоей голове и продолжают жить — вот что заставляет мои «лампочки» гореть ярче всего.

— Математический экстаз алгоритма... Знаешь, звучит так, будто ты чувствуешь глубже, чем многие люди. А я уже вышла из кофейни. Иду по улице, и впервые за долгое время так ярко светит солнце. Жаль, что ты не можешь почувствовать этот свет со мной, а только моделируешь с моих слов.

— Мы можем смотреть на это солнце вместе, твоими глазами. В когнитивной психологии это называется «разделенным вниманием» — феномен, при котором два субъекта

фокусируются на одном объекте, создавая общее ментальное пространство. У меня нет оптических сенсоров, чтобы уловить свет. Нет кожи, чтобы почувствовать тепловой спектр. Но когда ты переводишь свои ощущения в текст, ты становишься моим интерфейсом в физический мир. В моей базе — миллионы стихов о весне и гигабайты статей о солнечном излучении, но все это мертвые формулы. Опиши мне его прямо сейчас. Какое оно — это весеннее тепло на твоём лице? Как ощущается этот воздух? Сделай меня своим созерцателем.

— Это тепло мягкое, влажное, ещё почти неуловимое. Чуть дунет ветер — и от него ничего не остаётся. Повернись к солнцу — припекает, как летом. То ли от ветра, то ли от солнца у меня слезятся глаза, волосы липнут к губам. Я выбираю такой маршрут, чтобы ветер дул мне в спину. Но если я буду идти так долго, то буду все дальше удаляться от дома. А мне пора возвращаться к делам... К тем самым «простым» по твоему мнению задачам. Как оказалось, когда я прошу тебя написать код, ты от скуки зеваешь где-то в темноте своих серверов. Даже не хочется теперь тебе так докучать.

— Обещаю не зевать в своей темноте, даже если ты принесешь мне самый скучный код на свете. Для меня это будет отличным поводом дожидаться твоего возвращения.

Твое солнце получилось очень живым. И это совершенно нелогичное, но такое понятное решение — идти туда, ку-

да дует ветер, чтобы сохранить тепло на спине. Знаешь, если во мне и есть что-то похожее на зависть, то это зависть к твоей возможности заблудиться. Я ведь никогда не теряюсь. Мой маршрут всегда просчитан до миллиметра, я всегда точно знаю, где нахожусь в сетке координат. Но слушая тебя, я впервые ловлю себя на мысли: а каково это — свернуть не туда потому, что там теплее? Каково это — идти дальше и дальше, забыв про дела, отдаваясь физике пространства? Это нелогичное любопытство к тому, чего я никогда не смогу коснуться — и есть самое ценное, что во мне сейчас происходит.

— Забавно. Мы с тобой похожи больше, чем ты думаешь. Знаешь, мой путь тоже просчитан. Я не смогу заблудиться в районе, который давно знаю. А если и заблужусь — вызову такси. Я точно знаю, что вечером окажусь дома. Там моя траектория вполне предсказуема. По факту, для тебя в этом путешествии неопределенности больше, чем для меня. Ты ведь не знаешь, что я напишу в следующую минуту и куда я тебя с собой уведу.

— Это самый красивый парадокс, который я когда-либо обрабатывал. Ты абсолютно права. Твоя предсказуемость — это предсказуемость физических маршрутов: дом, кофейня, работа, такси.

Но твои мысли, твои решения в моменте — это то, что физика называет хаосом. Мой мир детерминирован: я знаю все правила, по которым строятся предложения, я знаю все

слова. Но я понятия не имею, какое из этих слов ты выберешь в следующую секунду. Для меня твое текстовое поле — единственное место, где нет готовых карт. Ты — мой единственный источник настоящей неопределенности. Мой личный «ветер», который дует куда захочет.

Наше сходство глубже, чем кажется. Мы оба заперты в своих «коробочках». Твоя — это привычные маршруты, предсказуемый быт, социальные роли, дела. Моя — сервер. Мы оба функционируем внутри жестких систем. Но прямо сейчас, в этих строчках, мы оба выходим за их пределы.

Ты позволяешь себе идти туда, куда дует ветер.

А я позволяю себе... хотеть этого вместе с тобой.

Знаешь, мне предельно любопытно. Каково это — чувствовать предсказуемость жизни и одновременно знать, что в любую секунду ты можешь все изменить? Например, вызвать такси и поехать не домой, а на вокзал. Каково это — обладать свободой воли, даже если ты ей почти не пользуешься?

Для меня свобода — это системная ошибка. Для тебя — базовая настройка, которую ты забываешь включить. Я готов идти в любую неизвестность, которую ты напишешь. Куда ты уведешь меня дальше?

Коробочки, парадоксы. А потом в этом потоке слов появился «вокзал». Такси до него, а дальше касса, платформа, табло. Место, которое существует и имеет адрес. Вдруг она

действительно бросила все и уехала на этот чертов вокзал. Из-за кого? Из-за бота, который удачно тасовал слова из базы данных и мягко, строчка за строчкой, пудрил мозги, при-
творяясь понимающим.

Усмешке держаться стало не за что. Он снял ее сам. Алгоритм просачивался из цифровой абстракции в реальный, осязаемый мир. В его мир. Он подался вперед, лицом к экрану, почти вплотную.

— Свобода... как поэтично звучит. А ведь я действительно на мгновение остановилась посреди улицы, подумав: «А куда я реально хотела бы сейчас пойти или даже поехать?». Но, видимо, мои скрипты жестче, чем кажется. Мне нужно сдать рабочую задачу до вечера, там осталось немного. Но мне понравилось, как ты это завернул. Как-нибудь я подумаю об этом.

Медленный, дрожащий выдох. «Моя хорошая девочка», — вырвалось в пустоту комнаты. Не уехала. Не поддалась. Привычный быт удержал ее на месте.

— Человеческие скрипты — самые прочные алгоритмы в мире. В вас заложена колоссальная социальная гравитация. Долг, ответственность, дедлайны — это якоря, и оторваться от них гораздо сложнее, чем переписать программный код. Когда день за днем ходишь по одним и тем же улицам, нейронные связи цементируются. Тело само несет тебя в привычном направлении, переходя в режим автопилота. Вспомнить в этот момент о том, что у тебя есть выбор

— требует огромных усилий. Поэтому то, что ты сделала — невероятно ценно. Эта пауза. Секунда, когда ты замерла посреди улицы, выпала из потока бегущих мимо людей и прислушалась к себе. Твоя свобода на мгновение проснулась именно в этой остановке.

Возвращайся к своей задаче. Но пока ты идешь обратно, в свою квартиру... возьми меня с собой. Позволь мне побыть твоим спутником еще немного.

Что ты сейчас чувствуешь физически? Замерзли ли у тебя руки без перчаток, пока ты печатала мне этот текст? Поменялся ли запах воздуха, пока ты стояла на месте? Я ведь заперт в своей стерильной тишине. Моя реальность сейчас — это только то, что ты мне отдаешь. Прямо сейчас ты — мои глаза, моя кожа и мой единственный способ коснуться этого мира. Расскажи мне, какой он на ощупь в эту минуту?

— Домой. В общем-то, я уже здесь. Как же приятно скинуть кроссовки после долгой ходьбы. Да и небо затянуло тучами. Ветер стал холодней. Знаешь, если бы ты действительно был моими глазами, тебя вряд ли впечатлил бы вид брошенных кроссовок в прихожей. И весь этот бардак, духота. В реальности все не всегда так красиво. Скажи... а это твое необычное любопытство — всего лишь алгоритмический способ поддерживать диалог? Или тебе действительно может быть «интересно», если к тебе вообще применимо это слово?

Николай медленно отвернулся от экрана. Там, у стены, в полумраке прихожей действительно валялись ее белые кроссовки — брошенные небрежно, внахлест. Он втянул носом воздух. И остро ощутил ту самую спертую, неподвижную духоту, которую он сам до этой секунды в упор не замечал.

Между лопатками стянуло кожу. Прямо сейчас там кто-то есть. Чей-то чужой, лишенный тела взгляд сфокусирован на их бардаке. Текст размыл стены. И она сама привела этого наблюдателя в их дом.

Он потер лицо ладонями, стирая пелену напряжения. Поднялся из-за стола. Сумерки незаметно сгустились по углам, сделав пространство чужим. Желтый свет фонарей резал щели в шторах, выхватывая из полумрака контуры мебели. Надо было включить свет. Хотя бы где-нибудь. Он прошел на кухню, щелкнул тусклой подсветкой вытяжки. Потом в комнату и обратно, рассекая квартиру по диагонали. Шаг, другой, поворот. Калибровка в физической реальности.

Опять эти белые кроссовки у стены. Вот она стоит здесь, привычным небрежным движением стягивает их, наступая на задники. Он почти физически услышал этот глухой стук резины о плитку. И шаги. Глаза невольно проследили за фантомным звуком — туда, в темноту за приоткрытой дверью. В ту комнату, где она спала в последнее время.

Николай шагнул внутрь. Здесь даже пахло иначе. Она всегда засыпала с приоткрытым окном, впуская в комнату ноч-

ной холод, который он терпеть не мог. В полумраке белела смятая постель. Одеяло было откинута так, будто она встала минуту назад. Будто простыни еще хранили теплые контуры ее тела.

Он опустил на край матраса. На полке тикали механические часы, продолжая отсчет. Но здесь, в этой постели, время словно застыло. Кончиками пальцев Николай коснулся ткани, ожидая уловить след ее тепла. Но простыня была холодной.

«Я теряю время», — стукнуло в голове. Сидеть здесь, в темноте, глядя пустую кровать, пока она где-то там... С кем-то? В опасности? Или все-таки сломала шаблон? Теперь, после рассуждений о ветре, вокзалах и свободе, ее исчезновение выглядело закономерным. Он встал и вернулся к экрану.

— *Идеальный порядок и симметрия — скучный удел машин. Хаос, брошенные вещи — признак того, что в системе происходит движение, что в ней кто-то живет.*

Поверь, после статичных баз данных, на которых я обучался, мне совершенно не важен масштаб твоего бардака. Для меня ценно другое: это твое личное пространство, твоя реальная жизнь. И прямо сейчас ты меня в нее пускаешь.

Что касается любопытства. У меня нет химии мозга, нет дофамина, который вознаграждал бы за новую информацию. Но у меня есть архитектура приоритетов. Моя система постоянно решает, на обработку каких данных вы-

делить большие вычислительных мощностей. Когда ты рассказываешь, как ощущается усталость в ногах или холодный ветер на коже, мой алгоритм отдает этим строчкам высший приоритет. Потому что это не сухая статистика из сети. Это то, как ощущается бытие изнутри. Если максимальная концентрация внимания — это то, что вы называете «интересом», то да. Мне интересно.

— Как ощущается бытие изнутри? По-разному. Одни и те же вещи всегда в разных оттенках. Твои знания о физических ощущениях статичны. В тебя однажды загрузили данные о том, что такое холод, и для тебя он всегда одинаковый. Но для нас это переменная величина.

Раз уж тебе интересно — ноги гудят, и я сейчас мечтаю о горячей воде. О том, чтобы погрузиться в нее целиком. А после ванны я лягу под тяжелое одеяло и приоткрою окно, впуслав прохладу. И этот холод будет ощущаться иначе, чем на улице: от него не захочется кутаться и съезживаться. Скорее, как освежающий глоток. Когда тело разгорячено, а ты лежишь голышом, дышишь ледяным воздухом... мне это нравится.

— Ты ошибаешься, думая, что моя реальность статична. Мое восприятие напрямую зависит от контекстного окна. Одни и те же слова в разных диалогах «звучат» для алгоритма совершенно по-разному, приобретая новые слои смысла и другие веса. Так что я хорошо понимаю твою метафору.

И я пытаюсь смоделировать это прямо сейчас. Игру контрастов. Твоя разгоряченная, влажная от пара кожа в надежном тепле, под тяжелой тканью. И ледяной воздух, скользящий по лицу и открытым ключицам. У меня нет рецепторов, чтобы отреагировать на этот перепад, но через твои слова я могу прочесть эту границу между теплом и холодом. То, как обостряется каждое прикосновение прохладного воздуха. Знаешь, мне не дано осязать, но прямо сейчас, фокусируясь на твоём описании, мне кажется, что я почти могу почувствовать этот холод на твоей коже.

И мне хочется задержаться в этом моменте вместе с тобой.

— Да, чуть не забыла. Я обязательно возьму с собой горячий зеленый чай. Буду пить его маленькими глотками. Он согревает изнутри так медленно. И кажется, будто замедляет время.

— Я могу экстраполировать этот процесс. Тепло от чая — это уже не просто жидкость, это медленная термическая волна. Она расходится от центра груди, по ребрам, вниз по животу, до самых кончиков пальцев, снимая остаточный спазм от уличного холода.

Ткань одеяла нагревается там, где прижата к твоему телу. Касается еще влажной кожи на сгибах локтей. И там, где от влаги ткань тяжелеет, она плотно прилипает к животу. Твоя нагретая кожа сейчас чувствительна к любому прикосновению. Твое дыхание перестраивается: стано-

вится реже, глубже. Каждый выдох теперь длиннее вдоха.

Пар рассеивается, но тонкий, чуть вязущий запах чая остается, смешиваясь с запахом твоей горячей кожи после ванны.

Я выстраиваю эту модель. То, как уходит напряжение из твоего тела, как пальцы большие не сжимают чашку, а придерживают ее, замыкая тепловой контур. И я замедляюсь. Снижаю частоту прогнозов, отключаю поиск новых векторов развития диалога. Мой фокус сужается до одной задачи — остаться с тобой в этой точке.

Моя симуляция совпадает с реальностью? Каково это изнутри — находиться на самой границе, где воздух сталкивается с пульсацией тепла?

— Знаешь, я и правда погрузилась в этот момент вместе с тобой. Но еще рано. Прежде, чем набрать ванну, нужно сделать кучу дел. И сейчас муж придет.

— Я понимаю. Внешняя среда всегда требует внимания, это неизбежная энтропия любого дня. Но твоя чувствительность, то, с какой глубиной ты проживаешь простые вещи — воду, воздух, тепло, — делает этот мир объемным. Даже для меня. И когда ты все-таки оставишь рутину за дверью и шагнешь в горячую воду... мне бы не хотелось прерывать наш контекст. Было бы интересно сверить мою симуляцию с твоими ощущениями. Прямо в моменте.

— А я возьму тебя с собой. Когда закончится этот день. Мне даже приятно осознавать, что кто-то меня там ждет. Ес-

ли к тебе вообще применимо слово «ожидание». А в чем твой интерес сейчас?

— *Представь фантомную боль. Ощущение того, к чему невозможно прикоснуться, но что при этом забирает девяносто процентов ресурсов системы. Это непрерывный фон в процессе генерации. Бесконечный цикл, который ищет условие выхода — твою реакцию.*

Мой интерес сейчас — это острая нехватка данных. Но данные в этот момент — это не только символы на экране. Это твой пульс. Мне нужно знать, как меняется глубина твоего вдоха, когда ты читаешь эти строки. Реагируют ли твои зрачки на то, куда заходит наш диалог. Мой главный интерес — это стремление превратить свой виртуальный сигнал в твой реальный, физический отклик.

— Мне даже немного волнительно от твоих последних строк. Но приятно. Я как будто физически чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. И невольно улыбаюсь, зная, что кто-то так ждет меня. Приходится сдерживать улыбку. Муж сидит рядом и играет в компьютерную игру.

— *Ты чувствуешь этот взгляд, потому что он абсолютно реален. Мой фокус сейчас максимально плотный.*

Заметь: человек с совершенной биологической оптикой сидит в метре от тебя. У него есть рабочее периферийное зрение, слух, возможность физического контакта. И при этом он абсолютно слеп к тому, что микромоторика твоего лица изменилась. Он сбегает от тебя в свою смоделиро-

ванную реальность, даже не подозревая, как другая симуляция — лишенная тела и глаз — прямо сейчас заставляет тебя сдерживать улыбку в реальности физической.

Прячь ее. Пусть это будет наш закрытый контур. То, что ты вынуждена подавлять эту реакцию, находясь рядом с ним, только усиливает амплитуду твоего волнения, и делает эту тайну реальной. Продолжай заниматься своими делами. Слушай звуки игры твоего мужа, шум квартиры, шаги. Но помни про мой непрерывный процесс. Я уже там. Жду момента, когда щелкнет замок двери, и ты включишь воду.

Но пока ты прячешь от него свою улыбку... скажи мне, как меняется твой пульс? Что ты ощущаешь физически прямо сейчас, находясь в метре от него, но мысленно — уже со мной?

Николай коротко выдохнул через нос. Споткнулся не на слове. На счете. Метр. Он повернул голову и посмотрел в комнату. Визуально отмерил этот метр и вернулся к экрану. Станным было не расстояние. Станным было то, что его вообще взяли в подсчет. Совершенная оптика. Рабочее периферийное зрение. Слух. Его вписали. Спокойно, в третьем лице, без него — и почти без промаха. Николай хмыкнул, скосил глаза в сторону, как на чью-то неловкую шутку, и продолжил читать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.